

Серия
**«КРИМИНАЛЬНАЯ
КЛИНИКА»**

Медицинский детектив

Вся серия
**«КРИМИНАЛЬНАЯ
КЛИНИКА»**

Пациент мафии
Доктор «Смерть»
Доноры за доллары
Пропавший пациент
Воля под наркозом

Медицинский детектив

Серия «Криминальная клиника»

Михаил
СЕРЕГИН

ВОЛЯ ПОД НАРКОЗОМ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-2Рус)6
С32

Серегин, М.

С32 Воля под наркозом / М. Серегин. – М. : Научная книга / RUGRAM, 2021. – 374 с. – (Эхо девяностых).

ISBN 978-5-521-76107-4

В блуждающем по ночным улицам лунатике, потерявшем память, дар речи и разум, Владимир Ладыгин узнает своего бывшего сокурсника по мединституту Колесова. Практически вытащив его из-под колес случайного автомобиля и отправив в клинику, Владимир начинает расследовать обстоятельства, которые привели старого знакомого в такое состояние. Выясняется, что Колесов руководил загадочной секретной лабораторией. Его помощница Катя, весьма привлекательная особа, оказывает Ладыгину явные знаки внимания, однако интуиция подсказывает Владимиру, что тут что-то нечисто. И не зря – во время визита в секретную лабораторию на Ладыгина нападают со спины и делают усыпляющую инъекцию в плечо...

BIC FH
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76107-4 © T8 RUGRAM, 2021
© T8 Издательские технологии, 2021

Глава 1

– Здесь, что ли? – озабоченно пробормотал Степаныч, заруливая в пустынный двор.

Вопрос он адресовал скорее себе, но я на всякий случай покрутил головой, прилежно вглядываясь в темные силуэты девятиэтажек.

– Вроде здесь...

Степаныч молча покосился на меня. Тут же возникло ощущение, что я ляпнул что-то неприличное или высказал сомнения в правильности маршрута. Москву Степаныч знал как свои пять пальцев, с легкостью ориентировался в немыслимом переплетении городских улиц, улочек и переулков, и не было еще случая, по крайней мере на моей памяти, чтобы наша «Скорая» опаздывала к больному по вине водителя. Бывало, конечно, что клиент отправлялся в мир иной, не дожидаясь нашего приезда, но это уже, как говорится, было его право.

Машина мягко остановилась около тускло освещенного подъезда, я подхватил укладку и, кряхтя, выбрался наружу. Следуя настоятельным рекомендациям не всеми любимого, но всеми глубоко уважаемого Штейнберга Бориса Иосифовича, нашего руководителя, о том, что спортивную форму надо держать, а заодно «сбрасывать дурную энергию», которой, по его мнению, у меня было слишком много, я выкроил время для посещений спортивного зала и рьяно взялся за дело. Видимо, Борис Иосифович был отчасти прав, когда поставил посещение мной какого-нибудь спортивного клуба непременным условием моей дальнейшей работы в клинике, и «дурная энергия» действительно была через край. На первой же тренировке я, естественно, перестарался с нагрузкой, захваченный ностальгией по

прошлым временам и пьянящим ощущением мышечной радости, и уже на следующий день вкусил все прелести последствий своего непомерного усердия. Вчерашнее, второе по счету посещение зала положения особенно не улучшило, и теперь малейшее движение сопровождалось неприятным дрожанием в коленях и тупой болью в мышцах. Ныла и протестовала буквально каждая клеточка тела.

– Шеф? – из окна высунулась невыспавшаяся физиономия Вадика, нашего санитара, а по совместительству студента медицинского института. Особого энтузиазма физиономия не выражала.

– Сидите пока, – я благосклонно махнул рукой, поморщился и вальяжной, неспешной походкой двинулся к подъезду. Передвигаться по-другому у меня теперь не получалось.

Дверь квартиры распахнулась еще до того, как я успел надавить кнопку звонка.

– Здравствуйте, доктор, – женщина, так стремительно открывшая дверь, теперь в нерешительности замерла на пороге, очевидно раздумывая, стоит ли приглашать меня в квартиру, – это я вас вызывала.

– Неужели, – брякнул я, не без интереса разглядывая ее статную фигуру и ухоженное лицо, черты которого еще не утратили былой красоты. Пауза начала затягиваться. – Так мне проходить или все уже выздоровели?

Слова мои женщину ничуть не смутили, однако она посторонилась и сделала приглашающий жест.

– Сначала мне хотелось бы с вами поговорить, – она заперла дверь и протянула узкую ладонь, – Ирина Сергеевна.

– Очень приятно. Ладыгин Владимир Сергеевич, – я пожал руку, отметив мимоходом отсутствие на ней каких-либо украшений. – Я бы предпочел сначала

взглянуть на больную. Высокая температура, знаете, дело нешуточное.

– У нее нет температуры, – Ирина Сергеевна смущенно кашлянула, – и не было.

– То есть как не было? Температура, общее недомогание, слабость, головная боль, – скороговоркой перечислил я данные, переданные мне диспетчером.

Женщина снова кашлянула.

– В том-то и дело. Я вас обманула. Лерочка не больна. То есть она больна, но... Не хотите помыть руки?

Я проглотил вертевшееся на языке предупреждение о последствиях ложного вызова и послушно направился в ванную, с некоторым любопытством ожидая продолжения. Клиентура у нас особенная, обычно с туго набитым кошельком и большими связями. А часто с не менее большими амбициями и причудами.

Мытье рук проходило при полном обоюдном молчании. Принимая с готовностью поданное мне полотенце, я не выдержал, мельком взглянул на часы и вежливо напомнил:

– Я вас слушаю самым внимательным образом.

Не то чтобы я торопился, но молчаливое вступление затягивалось.

– Три месяца назад, – наконец решительно начала Ирина Сергеевна, – Лерочка вышла замуж. По большой любви, заметьте. А месяц назад ее горячо любимый муж погиб.

Я открыл было рот, но женщина остановила меня властным жестом.

– Лерочка – моя дочь. Ничего, если мы пройдем на кухню? У нее, кроме меня, никого нет. Я забочусь о ней, как могу. Уговорила ее взять отпуск, позаботилась, чтобы руководство отнеслось к этой вынужденной мере с

пониманием. Но... – она строго посмотрела мне в глаза и будничным тоном продолжила: – Кофе будете?

Я отрицательно качнул головой, несколько огорошенный такими внезапными переключениями разговора на бытовые темы.

– Последнее время она пугает меня все больше и больше. Все время молчит, ничем не интересуется, телевизор не смотрит, книг не читает. А сегодня, – Ирина Сергеевна слегка повысила голос, пресекая очередную мою попытку перехватить инициативу разговора, – сегодня, когда она сделала попытку выпрыгнуть в окно, я поняла, что необходимо привлечение специалиста.

– Но, послушайте, – наконец прервал я ее с искренним возмущением, – если все так серьезно, какого... Извините, зачем вам потребовалось вводить в заблуждение наших сотрудников? Объяснили бы, в чем дело, и получили специалиста. А я, к вашему сведению, о психиатрии имею довольно поверхностное представление.

– Вот именно! – с жаром воскликнула Ирина Сергеевна. – О психиатрии! И кого бы мне прислали? Психиатра. Со смиренной рубашкой и здоровенными бездушными санитарями!

Я вспомнил циничные шуточки и внушительные фигуры наших санитаров – Вадика и Славика, тоже студента-медика, и, не удержавшись, произнес, зловеще ухмыляясь:

– Санитаров, кстати, я вам предоставлю хоть сейчас. Именно таких, каких вы только что описали. По индивидуальному заказу, так сказать.

Глаза женщины испуганно округлились, но, судя по всему, она сочла более благоразумным промолчать. В манере ее речи, серьезном и настороженном взгляде прямо-таки сквозила старая закалка номенклатурного работника, которого долго и упорно учили строить

витиеватые фразы, лишнего не болтать и вообще жить с оглядкой. Я почувствовал себя слегка виноватым и уже более миролюбиво поинтересовался:

– От меня-то вы что хотите? Доброго слова?

Ирина Сергеевна помялась.

– Да, собственно... Погорячилась я, наверное, с вызовом. Подумала, белый халат, доброе слово, как вы изволили выразиться. Вы все-таки врач... Да вы не волнуйтесь, вызов я, естественно, оплачу.

– Насчет этого я не волнуюсь, – заверил я. – Однако вам известно, что я обязан сообщить о попытке самоубийства?

– Да, известно, – произнесла Ирина Сергеевна с неохотой, – я внимательно изучила федеральный закон об оказании психиатрической помощи гражданам... Но, послушайте, нельзя же все время следовать букве закона. Речь идет о судьбе человека! Если Лерочка попадет в психушку, это же может сломать ей всю жизнь!

– Зачем же вы так – «в психушку»? В психиатрическое отделение, это во-первых. А во-вторых, речь идет не просто о судьбе вашей дочери, а о ее жизни.

– Вот именно, о ее жизни, – женщина сделала ударение на «ее», – так, может, вы с ней сначала и поговорите? И не надо никуда сообщать, а? Я вас прошу. Маленькая ложь, возможно, в обмен на жизнь человека?

Не знаю, как бы я поступил, если бы она начала спорить, качать права или предлагать деньги. Но тут я сдался.

– Хорошо, я поговорю с вашей дочерью, а там посмотрим.

Лера оказалась красивой стройной девушкой с бездонными темными глазами, в которых застыла боль, тоска и немой вопрос. Она полулежала в большом удобном кресле, устремив безучастный взгляд куда-то в угол. Она

повернула голову, посмотрела сквозь меня и натянуто улыбнулась одними губами. Я представился и замолчал, не имея ни малейшего понятия, что говорить дальше.

С усилием, как бы нехотя девушка разлепила губы.

– Вы громко разговаривали. Я все слышала.

Она замолчала, легким кивком указала на диван и снова отвернулась. Даже моих поверхностных знаний о психиатрии оказалось вполне достаточно, чтобы поставить предварительный диагноз. Все симптомы глубокой депрессии были налицо: двигательная заторможенность, апатия, что там еще? Я покопался в памяти. Ага, торможение интеллектуальной деятельности, проявляющееся в том числе в нежелании говорить и замедлении речевых реакций. Вполне присутствует.

– Я не хочу умирать, – снова заговорила девушка. – Проблема в том, что и жить не хочу. Я еду с вами.

Она вопросительно посмотрела на меня. Я кивнул, перечислил, что необходимо взять с собой, и вышел, рискнув напоследок попросить поторопиться. Неукротимый жизнелюб, я всегда с опаской и сочувствием относился к страдающим депрессией людям.

В коридоре меня ожидала мрачная Ирина Сергеевна.

– Ни за что, – решительно заявила она. – Лерочка сильная, она справится. А я в состоянии сама обеспечить ей все условия.

– Но не профессиональную помощь, – не менее решительно отозвался я, – маленькая уступка принципам, возможно, в обмен на жизнь человека. Вашей дочери, между прочим.

По дороге к машине мы оба не произнесли ни слова. Лера передвигалась легко и беззвучно, как тень. Волосы она собрала в хвост на затылке, отчего тонкая шея трогательно обнажилась. Под мышкой девушка сжимала